

Марина Булахова (Москва)

**Судебная ошибка в романе Л. Н. Толстого
«Воскресение» и проблема постановки
вопросов перед присяжными заседателями
в судебной системе Российской империи**

Marina Bulakhova (Moscow)

**Judicial Error in Leo Tolstoy's Novel
Resurrection and the Problem of Raising Issues
before the Jury in the Judicial System of the
Russian Empire**

Резюме. Статья посвящена историко-правовой природе формальной ошибки в изложении вердикта суда присяжных, в силу которой героиня романа Л. Н. Толстого «Воскресение» Катюша Маслова была признана виновной в совершении убийства. Известный судебный деятель Н. В. Давыдов, консультировавший Толстого в ходе написания романа, находил это обстоятельство несколько натянутым и ненужным, полагая, что «не был бы невероятен» и просто обвинительный приговор, однако Толстой решительно отказался его переделывать. В статье предлагается объяснение возможной мотивации писателя: подобная формальная ошибка была возможна и в действительности, поскольку постановка вопросов перед присяжными заседателями представляла собой процессуальную проблему, которая дебатировалась в юридической литературе и законодательных комиссиях. Правоведы понимали, что вердикт присяжных может очень сильно зависеть от того, сколько вопросов (один или три) будет задано, и будут ли они сформулированы через понятие «вины». Автор статьи полагает, что этот недочет уголовно-процессуального законодательства был известен писателю и использован им осознанно с целью продемонстрировать, что даже самый прогрессивный институт

в судебной системе, построенный на милосердии и справедливости частных людей, суд присяжных, будет функционировать искаженно под влиянием суда коронного (государственного).

Ключевые слова. Роман «Воскресение», литература и право, правосудие в литературе, общественно-политические взгляды Л. Н. Толстого

Abstract. The article focuses on the historical and legal nature of jury's formal error that led to Katusha Maslova's, the character of Leo Tolstoy's novel *Resurrection*, conviction for murder. A famous judicial figure N. V. Davydov, whom Tolstoy consulted during his writing of the novel, found this circumstance to be unnecessary and a bit of stretch. He believed that a usual conviction without any errors “wouldn't be improbable”. But Tolstoy flatly refused to rewrite the episode. In this article we provide an explanation to the writer's potential motivation: such formal error was possible in reality, since raising issues before the jury was a procedural problem, which was discussed in the legal literature and in the legislative commissions. Legal experts understood that the jury's verdict may very well depend upon how many questions (one or three) were raised and if they were formulated via the concept of “guilt”. The author of the article assumes that the writer was familiar with this deficiency of criminal procedural law and used it consciously with a view to demonstrate that even the most progressive institution of judicial system built on mercy and fairness of individuals — Assize Court — will be misrepresented under the influence of the Crown Court.

Keywords. Resurrection, literature and law, judgment in literature, social and political opinion of L. Tolstoy

Роман «Воскресение» Л. Н. Толстого неоднократно привлекал внимание исследователей. Анализировались история, рассказанная известным судебным деятелем и литератором А. Ф. Кони [Толстой 1935: 329—330], и творческая эволюция романа от

1) Виновен ли крестьянин села Борков, Крапивенского уезда Симон Петров Картинкин, тридцати трех лет, в том, что 17-го января 188* года в городе N., замыслив лишить жизни купца Смелькова, с целью ограбления его, по соглашению с другими лицами, дал ему в коньяке яду, отчего и последовала смерть Смелькова, и похитил у него деньгами около двух тысяч пятисот рублей и брильянтовый перстень? <...> 3) Виновна ли в преступлении, описанном в первом вопросе, мещанка Екатерина Михайлова Маслова, двадцати, семи лет? [Толстой 1936: 79—80].

После споров и колебаний присяжные были склонны пожалеть и оправдать Катюшу, однако ответили: «Признаем виновной без умысла ограбления, и имущества не похищала <...> и заслуживает снисхождения» [Толстой 1936: 82]. Никто из присяжных не заметил очевидного логического противоречия в этой формулировке до оглашения вердикта, и получилось, к удивлению судей и председателя, что, по мнению присяжных, Маслова будто бы виновна в убийстве, которое совершила безо всякого мотива. Но суд отказался отменить абсурдное решение присяжных, потому что «и так газеты говорят, что присяжные оправдывают преступников; что же заговорят, когда суд оправдает» [Толстой 1936: 84], и приговорил Маслову к четырем годам каторги с лишением всех прав состояния.

Эта сцена имеет прямое отношение к теме, которая неоднократно дебатировалась в юридической литературе и в законодательных комиссиях того времени, — к проблеме постановки вопросов перед присяжными заседателями.

Деятельность присяжных регулировалась Уставом уголовного производства 1864 г. (далее — УУС). По общему правилу, вопрос к присяжным был один и звучал так: «Виновен ли подсудимый в совершении вменяемого ему деяния?». Однако ст. 754 Устава уголовного судопроизводства гласит: «Вопросы о том, совершилось ли событие преступления, было ли оно деянием подсудимого и должно ли оно быть вменено ему в вину, соединяются в один совокупный вопрос о виновности подсудимого, *когда никем не возбуждено сомнения* (курсив наш. — М. Б.) ни в том, что событие преступления действительно совершилось, ни в том, что оно долж-

но быть вменено подсудимому в вину, если признано будет его деянием. В случае какого-либо сомнения по которому-либо из сих вопросов они должны быть поставлены отдельно» [УУС: 261]. Иными словами, закон предусматривает возможность разбиения вопроса о виновности на три составные части. Именно это необходимо было сделать в деле Масловой — поставить три отдельных вопроса, которые звучали бы примерно следующим образом: «Имело ли место событие?», «Является ли событие деянием Масловой?» и «Может ли деяние быть вменено в вину Масловой? / Виновна ли Маслова?» Ответы присяжных, желающих вынести оправдательный вердикт, были бы «Да», «Да» и «Нет» соответственно.

Проблема в том, что *необходимого сомнения* никем из участников процесса не было возбуждено. Все, кто мог ходатайствовать о разделении на три вопроса, либо не знали, либо забыли о такой возможности. Толстой изображает, как присяжные пытались сами мысленно разъять роль Масловой в убийстве на составные части, но не смогли корректно совместить разрозненные решения воедино и лишь запутались².

Прокомментируем эту сцену в связи с реалиями уголовного судопроизводства в Российской империи конца XIX в. Существование серьезной проблемы в практике постановки вопросов присяжным заседателям признавал сам законодатель в комментариях к УУС:

<...> с одной стороны дробление вопросов для последовательного разбора рассматриваемого дела затрудняет присяжных, приводит их к сбивчивым или несогласным между собой ответам и даже может дать в выводе не то, что хотели сказать присяжные, с другой стороны сжатие всего дела в один вопрос, виноват или не виноват, может в некоторых случаях иметь последствием признание подсудимого виновным в таком преступлении, которого событие или вменяемость сомнительны, а несомненно только то, что предполагаемое преступление, если оно действительно совершилось, было деянием подсудимого [УУС: 261].

² «<...> горячий заступник ее (Масловой. — М. Б.), купец, сказал, что надо признать ее невиновной, так как ей незачем было отравлять его. Старшина же сказал, что нельзя признать ее невиновной, так как она сама созналась, что дала порошок. — Дала, но думала, что это опиум, — сказал купец» [Толстой 1936: 82].

Ст. 754 УУС, позволяющая ставить три вопроса вместо одного, — попытка решить проблему, изначально предпринятая в пользу подсудимого. Предполагалось, что она минимизирует судебные ошибки и ситуации, когда формулировка присяжных не соответствует их истинной воле, но в этом случае, как отмечалось в литературе³, огромная ответственность ложится на плечи председателя суда — перед тем, как заседатели удалятся для совещания, он должен дать подробнейшее объяснение их прав и обязанностей при ответе на вопросы (резюме)⁴. Однако многие авторитетные юристы (в т. ч. известный в литературных кругах В. Д. Спасович [см.: Спасович 1897]) склонялись ко мнению, что дробление вопроса о виновности вносит слишком большую путаницу, и категорически выступали за упразднение «порядка, польза от которого по меньшей мере проблематична, а вред весьма очевиден» [Шатров 1901: 1469]. Они предлагали вернуться к единому вопросу «Виновен ли...?». Но у этой позиции имелся свой существенный недостаток — по признанию самих правоведов, присяжные очень часто не понимают юридического смысла выражения «виновен», точнее, не понимают, что ««виновен» и «совершил» — понятия далеко не синонимические» [Шатров 1901: 1470]. «Присяжные никогда не ограничиваются механическим применением закона, никогда не забывают, что перед ними живой человек» [Шатров 1901: 1472]. Иными словами, им недостаточно одного короткого вопроса для того, чтобы принимать решение о судьбе человека, они всегда стремятся отразить детали и либо опасаются самого

³ См., например: [Викторский 1912: 369— 372].

⁴ «Присяжные предполагаются людьми житейского опыта, могущими хорошо оценить каждую деталь дела <...>, но они не предполагаются людьми, которые искусились в различных логических построениях и которые свободно могут оперировать с разнообразными юридическими понятиями <...>. Председатель — опытный юрист, которому каждое юридическое понятие известно во всех его оттенках, привыкший быстро отличать правильные логические выводы ораторов из посылок от софистических, способный легко систематизировать и резюмировать доводы pro и contra, что очень и очень помогает ориентироваться в доказательствах. Не естественно ли отсюда заключение, что для присяжных необходимо выслушать перед решением вопросов резюме председателя? Многие процессуалисты это и считают непреложным» [Викторский 1912: 369].

не давал этому компетентному консультанту полную свободу в составлении процессуальных текстов. Об этом говорит сам Давыдов в своих воспоминаниях:

Мне пришлось, тоже по просьбе Л. Н., написать имеющийся в романе отрывок кассационной жалобы, вопросы, резолюции и т. п. В общем Л. Н. соглашался с моими замечаниями, за исключением, впрочем, одного, очень существенного пункта, а именно, я советовал Л. Н., во избежание некоторой, как мне казалось, натянутости, не полной правдоподобности вердикта присяжных заседателей по делу Масловой, изложить их решение просто как обвинительное, отметив его кратко: «Да, виновна, но заслуживает снисхождения», мне казалось, что обвинительный приговор не был бы невероятен, так как улики против Масловой были достаточные, а прошлое ее, то прошлое, которое было известно присяжным, а не то действительное прошлое «Катюши», которое знали уже читатели, не говорило в ее пользу. Но, повторяю, Л. Н. не согласился со мной и оставил наличность допущенной присяжными формальной ошибки [Давыдов 1913: 293].

Эпизод с формальной ошибкой появился в романе не по инициативе Давыдова, так как на момент правок он уже был, — Толстой почерпнул его из другого источника.

Мы можем лишь предполагать, откуда писатель мог взять идею о судебной ошибке, но знание Толстым проблемных мест закона не кажется удивительным. Сложности, которые порождает ст. 754, обозначены прямо в комментариях к УУС. Толстой мог узнать о проблеме непосредственно оттуда, из юридической литературы, учебников [см., например: Случевский 1891—1892], или от других юристов — например, от Кони, который высказывался на эту тему в печати [см.: Кони 1881], или от известного адвоката В. А. Маклакова. Так или иначе, именно такое изображение в романе судебной ошибки имеет основу в судебных реалиях того времени и выглядит неслучайным.

В связи с этим объяснение обличительной направленности «Воскресения», основанное исключительно на том, что суд людей над людьми противоречит христианскому идеалу, выглядит недостаточным. Разумеется, мы далеки от утверждения, что писателя интересовали сугубо юридические споры о том, сколько вопросов нужно ставить перед присяжными, один, два или

Марина Булахова (Москва)

Толстой 1936 — *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 32. М., 1936.

Толстой 1956 — *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 39. М., 1956.

УУС — Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть вторая. СПб., 1866.

Шатров 1901 — *Шатров Г. И.* Разделение главного вопроса на суде с участием присяжных заседателей с точки зрения учения о компетенции жюри: статья 754 устава уголовного судопроизводства; статья 732 проекта уголовного судопроизводства // Право. 1901. С. 1466—1475.

Сведения об авторе: Марина Сергеевна Булахова, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, бакалавр; Москва, Россия; e-mail: marina-bulakhova@mail.ru

About the author: Marina S. Bulakhova, Lomonosov Moscow State University, bachelor; Moscow, Russia; e-mail: marina-bulakhova@mail.ru

Михаил Иткин (Москва)